

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/77/1

Русско-татарский межэтноконфессиональный альянс в городской политике Казани позднеимперского периода

Игорь Иванович Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, i.verniaev@spbu.ru

Аннотация. Обсуждается значение этноконфессионального фактора в городской политике Казани в начале XX в. Среди казанской элиты сформировалось две муниципальные идеологии. В соответствии с первой город рассматривался как «общее благо» с централизованным управлением, муниципальной инфраструктурой, регулированием публичной и частной сфер; в соответствии со второй – как коалиция этноконфессиональных, профессиональных и других групп, реализующих через своих представителей корпоративные интересы. Исследование показало, что до конца имперского периода этноконфессиональный фактор играл возрастающую роль.

Ключевые слова: Российская империя, Казань, русские, татары, городская политика, модели городского управления, межэтноконфессиональный альянс

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00353.

Для цитирования: Верняев И.И. Русско-татарский межэтноконфессиональный альянс в городской политике Казани позднеимперского периода // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/77/1

Original article

Russian-Tatar interethnic alliance in the urban politics of Kazan in the late imperial period

Igor I. Vernyaev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, i.verniaev@spbu.ru

Abstract. The purpose of the study is to assess the significance of the ethno-confessional factor in the urban policy of Kazan of the late imperial period, the formation and organizational design of municipal ideologies and the corresponding practices of urban governance. The main sources of the research were the published protocols of the City Duma, statistical data and materials from the city periodicals. During the post-reform period, the ethno-confessional particularism of urban institutions was eliminated, city-wide self-government was formed on the principles of tax qualifications, and the spatial, infrastructural, economic, civil and social spheres of the city were integrating. This, on the one hand, exacerbated the problem of rivalry around the issues of representation of ethno-confessional interests in urban governance and decision-making, and on the other hand, it became an incentive for the formation of inter-ethnic coalitions and cooperation. The multidimensional heterogeneity of the urban population has become a factor in the formation among the Kazan elite of two models of city visions, a kind of «municipal ideologies» with appropriate management practices. They were most clearly manifested and organizationally formed in the company of 1912–1913 during elections to the City Duma. In accordance with the first of them, the city was viewed as a “common good” with centralized management, municipal infrastructure, active regulation of not only public but also private spheres of life. In accordance with the second, the city was perceived as a coalition of diverse groups – ethno-confessional, professional, entrepreneurial, etc. – realizing their group corporate interests through representatives in the city government. On the basis of these municipal ideologies, the corresponding coalitions of eligible townspeople – «progressives» and «Russian-Muslim non-partisan bloc» were formed. The interethnic alliance predetermined the victory of the second of these electoral blocs and the corresponding

municipal ideology in the 1913 elections. This led to the partial curtailment of plans for large-scale municipalization, a number of social engineering projects, including an active invasion of the private life of the townspeople. Until the end of the imperial period, the ethno-confessional factor played a significant and even increasing role in a number of areas – in the urban economy, self-government, politics, ways of forming urban politic coalitions and urban development projects.

Keywords: Russian Empire, Kazan, Russians, Tatars, urban policy, models of urban governance, interethnic alliance

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00353.

For citation: Vernyaev, I.I. (2022) Russian-Tatar interethnic alliance in the urban politics of Kazan in the late imperial period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/77/1

Одна из ключевых черт модерной эпохи – формирование общих сфер жизнедеятельности: интегрированной экономики, институтов управления, самоуправления, суда и права, инфраструктуры разного типа, политических организаций, гражданской сферы. Это формирование общего материального и социального пространства сопровождалось преодолением жестких сословно-корпоративных, этнических, культурно-бытовых границ между людьми и их группами. В авангарде таких изменений были, прежде всего, города. Здесь, в условиях относительно плотной и компактной среды, формировалось единое материальное, институциональное, инфраструктурное и символично-смысловое пространство. В то же время процессы интеграции обостряли проблему участия, представительства этнокультурных групп (и в целом, и элит), их интересов в интегрирующихся современных пространствах. Этничность, этническая мобилизация становились важным фактором и ресурсом как соперничества, конфликта, так и сотрудничества, установления взаимовыгодного альянса. Этноконфессиональный фактор был значим в осмыслении города как целого, в муниципальной политике, выработке и реализации различных моделей городского управления и представительства в нем групповых интересов, в развитии инфраструктуры и социальной сферы.

В существующих общих работах по пореформенному городскому самоуправлению Российской империи этноконфессиональному фактору уделяется недостаточно внимания [1–3]. Не обобщено и не проанализировано в сравнительном плане то, как на процессы социально-экономической, институциональной и политической модернизации в городе влиял фактор политэтноконфессиональности. В то же время в последние десятилетия вышел ряд новаторских работ, посвященных истории отдельных поликультурных городов разных регионов. Эти работы объединяет то, что в них рассматриваются не отдельные этноконфессиональные группы, а собственно поликультурный город, те или иные городские сферы, где различные группы мобилизуются, взаимодействуют, конфликтуют и сотрудничают [4–9].

Казань – один из тех российских городов, где население всегда отличалось полиэтноконфессиональным разнообразием. По данным переписи 1897 г., среди горожан было 73,4% русских и 21,9% татар, а также присутствовали незначительные по численности меньшинства – коренных народов края и имперских городских диаспор. В ряде работ изучались отдельные аспек-

ты разнообразия в различных сферах позднеимперской Казани [10–16]. В то же время в историографии уделено недостаточное внимание значению этноконфессионального фактора в формировании образа города как целого, модели управления, динамике представительства групповых интересов в городской власти.

Рассмотрим в этой связи последнюю перед Первой мировой войной избирательную кампанию 1912–1913 гг. по выборам в городскую думу, одну из наиболее активных в позднеимперский период. Эта кампания была особенно значима для окончательного формирования конкурирующих муниципальных «идеологий», вокруг которых организовывались городские коалиции. В ходе нее ярко проявилось значение этноконфессионального фактора в этих процессах.

С конца 1900-х гг. среди гласных городской думы Казани и шире – активной части городских элит – оформляются две коалиции, получившие неофициальные названия «стародумцев» и «новодумцев» (или прогрессистов). Такое разделение касалось прежде всего русской части гласных и цензовых горожан. Состав этих городских «партий» не соотносился в полной мере с основными общероссийскими политическими силами (в этом смысле обе городские коалиции позиционировали себя как «беспартийные»), их разделяли разные представления о городе, городском развитии, внутригородских интересах. При этом татарский (мусульманский) электорат, являясь значимой организованной силой на городских выборах, мог существенно повлиять на победу той или иной из городских «партий», ее главенство в городской политике.

«Новодумцы» исходили из представления о городе как о едином социальном, хозяйственном, инфраструктурном и управленческом организме. Один из лидеров новодумской «партии» заявил на предвыборном собрании: «Город теперь является особого рода маленьким государством». Цель муниципального управления в таком представлении о городе – развитие его как совокупности «общественных благ». В связи с этой общей установкой «новодумцы» выступали за широкую и ускоренную муниципализацию городского хозяйства и, соответственно, отказ от концессионной и подрядной систем управления городской инфраструктурой и предприятиями как невыгодных для города и горожан. Осветительные сети, транспорт, водопровод, канализация, оборудованные торговые помещения, пристанская инфраструктура, мосты и перевозки, предприятия по благоустройству и другие службы должны принадлежать городу, управляться его администрацией.

Муниципализация требовала, в свою очередь, «создания общего плана городских предприятий и планов по всем отраслям городского хозяйства». Новодумцы выступали за активную социальную политику и регулирование рыночных отношений. Городская дума и администрация должны осуществлять «постоянный контроль над всеми отраслями народного хозяйства». В целях борьбы с дороговизной город должен организовать снабжение населения (прежде всего малоимущего) и учреждений топливом, дешевым продовольствием, создать городское производство строительных материалов. Должна развиваться принадлежащая городу сеть санитарно-медицинских учреждений. Новодумцы разрабатывали проекты перестройки городского пространства – ограничения расширения города, активной перепланировки городских улиц [17. № 5963; 18. № 76].

Городское управление должно затрагивать не только публичное, но и частное пространство. Так, следовало установить санитарный надзор как в общественных местах, так и на частных территориях – во дворах и домах. Частное строительство должно было вестись под контролем городской администрации. Еще одно направление активного вторжения в частную сферу – плановая борьба городского управления с разного рода социальными девиациями, прежде всего алкоголизмом и нищенством. Предполагалось, что муниципальная власть фактически возьмет под контроль частные, конфессиональные и сословно-корпоративные учреждения по призрению. Для этого, в частности, предполагалось создать «центральное распределительное бюро для старых и увечных по богадельням и сирот по приютам», установить организационные связи с общественными благотворительными организациями. В образовательной сфере город должен был завершить формирование по единому плану городской школьной сети и перейти к всеобщему обучению русского и мусульманского населения города [18. № 78].

В целом идеологию и программу городского управления «новодумцев» можно охарактеризовать как технократическую и социал-инженеристскую. Уже в период работы думы 1909–1913 гг. значительная (около четверти состава думы) фракция гласных «новодумцев» предприняла некоторые действия по реализации своей программы. По ее инициативе при управе был создан технический отдел, призванный осуществлять организационно-технологическое руководство городской хозяйственной деятельностью и строительством. Был составлен план территории города как ключевое условие и инструмент управления городской недвижимостью, произведена инвентаризация городских имуществ. Хозяйственным способом проведены работы по возведению дамбы, которая должна была обеспечить удобное транспортное сообщение между волжскими пристанями и центром города. Осуществлена механизация городского пожарного депо. Создан муниципальный «черный обоз» — предприятие по вывозу нечистот и уборке улиц и площадей. Запущен утилизационный завод. Создан муниципальный перевоз через Казанку. Расширено городское садовое хозяйство. Расширена сеть городских училищ. Разрабатывались планы выкупа в городскую собственность ряда концессий на клю-

чевые инфраструктурные объекты (например, электрическая и трамвайная сети). На осуществление своих проектов «новодумцы» планировали использовать, в частности, крупные частные займы [17. № 5967; 18. № 1, 23]. В целом практика и планы расширения городского хозяйства и рационализации управления им были продолжением тенденций, наметившихся в предыдущие годы. Как показала в своей диссертации Г.Р. Заманова, в конце XIX – начале XX в. удельный вес в бюджете Казани доходов, получаемых от эксплуатации и сдачи в аренду городских имуществ (зданий, сооружений, земель, угодий), постепенно возрастал (с 1871 по 1904 г. – с 28,8 до 41,1%), а от сборов и пошлин — уменьшался (с 46,3 до 23,6% за тот же период). В то же время на 1904 г. доля дохода от городских предприятий оставалась незначительной — 2,9%. В этом отношении муниципализация делала только первые шаги [19. С. 76–80].

«Стародумская» фракция, в отличие от «новодумцев», не строила широкомасштабных проектов трансформации города и городского хозяйства. Их протход был умеренным, приземленным и, по их мнению, прагматичным: «...в хозяйственном деле важны не планы, а навык». Планы «новодумцев» характеризовались ими как опасное, дорогостоящее и не обеспеченное наличными материальными ресурсами и кадрами прожектерство. Программа и практика «новодумцев», по их мнению, не учитывали разнородных текущих нужд и проблем различных групп ценовиков и более широких кругов населения города. Город не готов к масштабной муниципализации хозяйства и инфраструктуры. Традиционный способ обслуживания городских нужд компаниями-контрагентами, концессионерами является более эффективным, профессиональным и менее затратным. У города нет достаточного количества квалифицированных кадров для самостоятельного ведения большого и сложного муниципального хозяйства.

«Стародумцы» указывали на многочисленные ошибки и провалы муниципальных проектов, инициированных «новодумцами». Созданный «новодумцами» технический отдел оказался слишком дорогим и мало-результативным. Городской поземельный план – мало-пригодным на практике. Автомобильная техника в пожарном депо – очень дорогостоящая в эксплуатации, не обеспеченной соответствующими кадрами. Муниципальный «черный обоз» оказался более дорогим и менее эффективным, чем выполнение этих же работ внешним подрядчиком. Услуги городского утилизационного завода были слишком дорогими для потребителей. Заготовка городом топлива хозяйственным способом оказалась, по оценке «стародумцев», убыточной. Построенная хозяйственным способом дамба имела серьезные недоработки, что затрудняло ее полноценное использование. «Стародумцы» предостерегали от муниципализации сети городского освещения и других инфраструктурных сетей и предприятий ввиду сложности их хозяйственной эксплуатации: «У города не было пока ни одного крупного предприятия, которое эксплуатировалось бы хозяйственным способом, приносило бы надлежащий доход и могло бы служить примером, вносящим уверенность в недо-умевающие сердца обывателей. Наоборот, все, за что

ни брался город, выходило, мягко говоря, довольно неудачно». Они обвиняли прогрессистскую группу в том, что из-за инициированных ею масштабных проектов и трат городской бюджет стал резко дефицитным, что вынудило осуществить переоценку недвижимости горожан, в результате чего увеличилось их налогообложение. «Стародумцы» выступали за более осторожную финансовую политику, против того, чтобы город брал крупные частные кредиты под свои масштабные проекты и влезал тем самым в долги [17. № 5966, 5967, 5974, 6172; 18. № 34, 72, 73].

Подход с точки зрения «общего блага», «общественной пользы» казался им теоретичным и малопригодным на практике в силу разного имущественного, социального, хозяйственного, этнокультурного статуса городских групп. Для разных групп и категорий населения восприятие того, что является «благом» и «пользой» здесь и сейчас, могло быть различным. Так, как выяснилось, даже отношение к такому вроде бы очевидному «благу», как водопровод, у домохозяев оказалось разным. Проведенный думой опрос показал, что многие из них в случае проведения магистрали не планируют подключать к водопроводу свои дворы и дома и осуществлять минимально необходимый для окупаемости системы разбор воды [20. С. 382–395]. Проведение благоустройства улиц могло быть «благом» для домовладельцев, рантье, так как это повышало стоимость их недвижимости, привлекало состоятельных чиновников-квартиросъемщиков, и негативным фактором для тех, кто арендует недорогое жилье на таких улицах, поскольку арендодатели увеличивали плату за него. Многие относительно небогатые ценовики окраин выступали против широких и дорогостоящих планов развития городского хозяйства, опасаясь в связи с этим повышения налогов [17. № 5973; 18. № 69]. Не отрицая необходимости благоустройства города, «стародумцы» не стремились форсировать муниципализацию и наращивать масштабы городского хозяйства за счет увеличения сборов [17. № 5974]. В целом они видели город как очень разнородное пространство, где существует множество групп с различными групповыми интересами и нуждами, которые невозможно привести к общему знаменателю. Деятельность думы и управы должна быть сосредоточена на решении текущих проблем наиболее прагматичным и наименее затратным способом.

В соответствии с указанными общими установками строились и выборные стратегия и тактика двух ведущих городских фракций 1910-х гг. «Новодумцы» рассчитывали на усиление электоральной активности ценовых горожан, прежде всего избирателей с окраин города, путем перехода от выборов в едином городском избирательном собрании к выборам по территориальным частям, что допускалось городским положением 1892 г. Хотя им не удалось добиться перехода к территориальной электоральной системе, и выборы 1913 г. проходили в едином собрании, «новодумцы» в период предвыборной кампании провели собрания избирателей во всех шести частях города, сформировали порайонные предвыборные комитеты и центральный общегородской комитет. Через взаимодействие

с территориальными комитетами и агитацию на собраниях «новодумцы» сформировали список кандидатов, пропорционально представляющих городские районы и соответствующих по качествам их программным установкам.

«Стародумцы» в формировании своего предвыборного списка сделали ставку не столько на общность программных подходов кандидатов, сколько на представительство в будущей думе ключевых городских групп интересов. Город в их стратегии и тактике рассматривался прежде всего как совокупность, компромиссный альянс значимых групп разного типа. Это не обязательно только наиболее состоятельные и влиятельные группы, но все те группы ценовых горожан, которые сумели организовать и выразить потребность и желание иметь своих представителей в городском самоуправлении. Для «новодумцев» с их приоритетом программного принципа такой коалиционно-групповой подход был неприемлем: «...при таких условиях трудно проводить общую программу действий, ибо защищаются лишь интересы отдельных групп...» [17. № 5964].

Находясь перед выбором, лидеры татарской общины города предпочли войти в альянс со «стародумской» фракцией, существенно усилив при этом ее электоральные позиции. В результате такого соглашения альянс принял общее название «русско-мусульманский беспартийный блок». Одним из решающих аргументов в пользу этого союза для лидеров мусульман стал отстаиваемый «стародумцами» существующий порядок выборов гласных думы в общем собрании. При территориальном представительстве, на котором настаивали «новодумцы», татары, проживавшие в основном во 2-й и 5-й административно-полицейских частях города, имели шанс провести только 5–6 гласных вместо максимальных по закону 16 мест (т.е. 20% от всех) в городской думе, которые они имели в последние годы [17. № 5897; 18. № 11].

Кроме того, следует учитывать, что модель городского хозяйства, развиваемая «новодумцами», подразумевала усиление влияния технократического элемента в управлении городом – специалистов, профессионально подготовленных служащих, клерков, а татары были недостаточно представлены в таких категориях занятости, как «свободные профессии» и чиновники [21]. Соответственно, «новодумская» программа создавала для них дополнительные риски утраты приобретенных позиций и представительства в городской элите. Исходя из этих рисков и своих интересов, лидеры мусульман на предвыборных собраниях критиковали уже осуществленные проекты и планы ускоренной муниципализации городского хозяйства. Указывали, что в ситуации, когда у города «нет грошей на неотложные нужды», в том числе татарских частей города, дума и управа по инициативе «новодумцев» «мотала деньги направо и налево» – на казарменное строительство, на которое был взят крупный и невыгодный заем, на планирование города, покупку пожарного автомобиля, найм в технический отдел города «архитекторов, сверх-архитекторов» и др. [17. № 5965]. В этом отношении позиции мусульман и «стародумцев» оказались близки. «Стародумцы», кроме того, обещали поддер-

живать мусульман в их различных религиозных, культурно-образовательных нуждах и требованиях [17. № 5974, 5980].

В предвыборный список русско-мусульманского блока были также включены представители ряда других крупных и влиятельных групп и организаций в городе. Так, блок поддержало многочисленное общество взаимного страхования, которое было заинтересовано в расширении количества членов (лидеры мусульман обещали, что татары будут активно пользоваться услугами этого общества в случае общей победы) и поддержке со стороны города в их конкурентной борьбе с частными страховщиками. Характерно, что «новодумцы», противостоя групповой модели альянса русско-мусульманского блока, агитировали членов общества взаимного страхования голосовать единолично, по собственному разумению, а не согласованно, как единая группа с общими интересами [Там же. № 5968]. Поддержали русско-мусульманский блок и выдвинули своих представителей в его список подрядчики – контрагенты города, которые были объективно не заинтересованы в «новодумской» программе широкой муниципализации. Солидарно с ними выступили городские трактирщики. Обложение трактирных заведений было значимой статьей в городском бюджете. Повышение в последние годы обложения трактирных заведений, связанное в том числе с масштабными расходами в рамках «новодумской» программы муниципализации, подтолкнуло их к альянсу с русско-мусульманским блоком [Там же. № 5971]. Внушительно были представлены также чиновничество (от служащих государственных и общественных учреждений в список кандидатов были включены 20 человек), разные категории «свободных профессий» (юристы, медики, профессора и преподаватели, инженеры и др.). В список входил представитель обществ приказчиков и русских ремесленников, служащих частных компаний. Поддержали блок многие домовладельцы, недовольные повышением городского сбора с недвижимости. Мусульмане выделенные им блоком 16 ожидаемых мест в думе по большей части также распределили между значимыми группами интересов – торговцами, транспортниками и иными сообществами в своей среде [18. № 78].

Организационному оформлению групп интересов и поиску ими представительства способствовало то, что некоторые из них производили внутреннюю раскладку между собой налоговых сборов (в частности, трактирщики, содержатели постоянных дворов, меблированных комнат и др.). По сути, в городе функционировали раскладочные общины представителей некоторых видов деятельности [20. С. 611, 624, 695–706; 22. С. 226–230; 23. С. 4–10, 168–174]. Тем самым на городских выборах организационно они были готовы мобилизоваться, сформулировать свои интересы и выдвинуть своих представителей в думу. Именно на такие мобилизованные отраслевые группы интересов в среде налогоплательщиков городского налога в значительной мере и сделал ставку русско-мусульманский блок.

Один из лидеров русско-мусульманского блока К.С. Олешкевич на предвыборном собрании следующим образом охарактеризовал историю и принципы

его формирования: ядро блока формировалось в думе с 1909 г., затем к нему примкнуло много русских избирателей, а затем и мусульман, ряд городских объединившихся групп со своими особыми интересами, и в итоге в выработанный список «входят часть старых гласных, новых жителей и представители различных профессий и ремесел, чтобы каждая группа Казанских граждан могла найти в думе представителей своих интересов». Участники собрания блока горячими аплодисментами одобрили такой подход [17. № 5974].

Различные мобилизованные группы ценовых горожан привлекало в блоке также то, что его лидеры не выдвигали никаких особых требований к их представителям, соглашаясь на те кандидатуры, которые выдвигали сами группы. Это касалось и мусульманской «квоты» в выборном списке. «Новодумцы» же, напротив, сами активно формировали список, «фильтровали» предлагаемых представителей, подыскивая кандидатов, отвечающих определенным критериям и разделяющих общие программные установки фракции. Это отталкивало от них потенциальных сторонников. Вообще «новодумцы» в предвыборный период вели себя порой высокомерно и некорректно по отношению к некоторым группам избирателей. Например, на упрек некоторых участников предвыборного собрания, что «новодумцы» не прилагают достаточно усилий к тому, чтобы склонить на свою сторону такую организованную и мощную силу, как избиратели-татары, один из руководителей новодумцев ответил: «Идти к мусульманам на поклон комитет посчитал для себя неудобным, полагая, что времена Мамай для России миновали, и что русские могут и не ходить на поклон к мусульманам». Избиратель не согласился с подобной постановкой вопроса, возразив, что кропотливая работа по формированию альянса и учету особых интересов – это «не хождение на поклон, а только желание быть солидарными с крупной группой местных жителей» [17. № 5964; 18. № 29, 69]. Оттолкнули мусульман и порой грубые высказывания о них в «новодумской» прессе и на территориальных собраниях. Сами территориальные собрания и избранные ими комитеты рассматривались частью «новодумцев» как способ консолидации русских ценовых горожан, чтобы противостоять организованности мусульман. Звучали угрозы, что в случае отказа от согласования списков предвыборные территориальные комитеты «новодумцев» мобилизуют русских избирателей в существенно более значительном, чем прежде, количестве, и они не позволят мусульманам вовсе пройти в думу [17. № 5971; 18. № 24, 38]. Такие тактика и риторика не добавляли «новодумцам» сторонников в среде мусульман.

Не следует, как это встречается в литературе, однозначно отождествлять две охарактеризованные городские коалиции с определенными сословными группами. Неверно полагать, что «стародумцы» и инициированный ими русско-мусульманский блок – это исключительно «консервативное купечество», представители старой торговой элиты, а «новодумцы» – только интеллигенты, представители свободных профессий и чиновники. Так, лидерами русско-мусульманского блока были представители вполне современных сфер

занятости и специальностей: Н.Н. Киселев – ветеринар, К.С. Олешкевич – архитектор, М.А. Сайдашев – издатель и владелец типографии. В предвыборных списках кандидатов той и другой городской «партии» были купцы и дворяне по сословной принадлежности, торговцы, промышленники, чиновники, служащие и представители «свободных профессий» по профессиональной занятости [17. № 5980; 18. № 84]. Но муниципальная идеология, воображаемая модель города и принципы формирования были разными.

Список «стародумцев» одержал победу на городских выборах 1913 г. Их установка на создание довольно эклектичной коалиции мобилизовавшихся и влиятельных групп интересов оказалась более успешной, чем стратегия и тактика прогрессистского блока. При этом поддержка со стороны татар и их лидеров сыграла одну из ключевых ролей в успехе русско-мусульманского беспартийного блока. Напротив, «новодумцам» не удалось в достаточной мере мобилизовать избирателей вокруг территориальных интересов и обобщенных программных установок.

В новой думе в силу преобладания представителей победившего русско-мусульманского блока усилились настроения по отказу от некоторых созданных или запланированных предыдущим составом думы элементов муниципального хозяйства по причине дороговизны их содержания, неэффективности или нехватки необходимых кадров. Так, были намечены отказ от автомобильной техники в пожарном обозе, закрытие утилизационного завода, приостановка работ по созданию городской дамбы. Предложен отказ от общегородского, квалифицированного по составу, но дорогостоящего технического отдела, замена его «опытными» техниками в каждой части города. В целом проявилась тенденция на сворачивание значительной части новодумской программы муниципализации городского хозяйства [18. № 143].

Подводя итог, отметим, что текущие процессы модернизации, их незавершенность, гибридность, осложненность разнородностью городского населения стали фактором оформления в начале XX в. среди ценовых горожан, их активной части двух моделей города, своего рода «муниципальных идеологий», и соответствующих практик на уровне городского самоуправления. Один из городских блоков – «новодумцы» – исходил из модели города как целого, исповедовал идеологию и риторику «общего блага», «общественности», «общих интересов». Из этой модели проистекали продвижение муниципализации, технологический и социальный инженеризм, формирование общегородской материальной и институциональной инфраструктуры, актив-

ное регулирование частной сферы, выдвижение на лидерские позиции специалистов и «технократов». Объект и субъект такой политики, помимо города в целом, – горожанин как гражданин города, при относительном игнорировании групповой корпоративности и соответствующей идентичности. Для второго объединения – русско-мусульманского блока – город был совокупностью организованных и влиятельных групп интересов. Соответственно, городское политическое пространство – это площадка согласования интересов тех групп, которые смогли мобилизоваться. Русско-мусульманский блок выступал против «новодумской» стратегии муниципализации городского хозяйства. Во многих отношениях подход русско-мусульманского альянса оказывался более прагматичным и отвечающим наличным материальным и кадровым возможностям города, более соответствовал относительно слабой сформированности общегородской идентичности, малой привлекательности идеи «общего блага» и, наоборот, сильной приверженности групповым интересам и групповой идентичности. Эта позиция, кроме того, отражала совершенно объективные трудности перехода к полному и планомерному городскому хозяйству, дороговизны его для городского обывателя. Такой подход отражал сохранявшиеся очень различные интересы разных групп, разнородность их социально-экономического, социокультурного и этноконфессионального статуса, соответствовал гетерогенности даже относительно немногочисленного ценового населения. Для мусульман, татарских элит с их недостаточным участием в сфере «свободных профессий» и инженерно-технической специализации усиление в городе власти и позиций технократов было беспокоящим фактором, несло риски утраты традиционных крепких позиций городского представительства и традиционного межэтноконфессионального баланса. Ставка «новодумцев» для реализации своей программы на расширение своего электората и вообще активизации ценового избирателя, прежде всего окраинного, путем перехода к участковым выборам и территориальному представительству несла угрозу утраты сложившегося и устоявшегося максимально возможного по закону представительства в городском самоуправлении для мусульман-ценовиков. Потому они в лице своих элит сделали ставку на коалицию «групп интересов», которая одержала победу на муниципальных выборах 1913 г. До конца имперского периода этноконфессиональный фактор играл очень значимую и даже возрастающую по ряду направлений роль в городских экономике, самоуправлении, политике и проектах городского развития.

Список источников

1. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.
2. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Наука, 1994. 160 с.
3. Виноградов В.Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М.: Экон-Информ, 2005. 388 с.
4. The City in Late Imperial Russia / ed. by M. Hamm. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 388 p.
5. Hirschhausen U. von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2006. 448 S.
6. Meir N.M. Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Association // Slavic Review. 2006. Vol. 65 (3). P. 475–501.
7. Weeks T. Vilnius Between Nations, 1795–2000. De Kalb: Northern Illinois University Press. 2015. 366 p.
8. Sifneos E. Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities. Leiden; Boston: Brill, 2018. 286 p.

9. Шаблей П. Российская империя и мусульмане Семипалатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // *Ab Imperio*. 2019. № 3. С. 47–87.
10. Häfner L. Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 1996. № 44. S. 217–252.
11. Каплуновский А.П. Казанская мешчанская община в пореформенное время // *Вестник Евразии*. 1996. № 2. С. 31–48.
12. Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Панорама-форум*. 1997. № S12. С. 102–116.
13. Зорин А.Н., Зорин Н.В., Каплуновский А.П. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск : Средневолжский науч. центр, 2000. 601 с.
14. Бадретдинов Т.З. Городское самоуправление Казанской губернии в начале XX века: выборы, структура, общественно-политическая деятельность, 1905–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 264 с.
15. Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln : Böhlau Verlag, 2004. 594 S.
16. Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2001. XVIII, 389 p.
17. Казанский телеграф. 1913.
18. Камско-Волжская речь. 1913.
19. Заманова Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 225 с.
20. Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1904 год. Казань : Казанская гор. дума, 1907. XXII, 743 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : ЦСК МВД, 1903. [4]. XVI, 284 с.
22. Протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1887 года. Казань : Казанская гор. дума, 1887. XVI, 541 с.
23. Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады управы за 1908 год. Казань : Казанская гор. дума, 1910. 15, 401 с.

References

1. Nardova, V.A. (1984) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60 – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika* [Urban government in Russia in the 1960s – early 1990s. The government policy]. Leningrad: Nauka.
2. Nardova, V.A. (1994) *Samoderzhavie i gorodskie dумы v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Autocracy and City Dumas in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Nauka.
3. Vinogradov, V.Yu. (2005) *Stanovlenie i razvitie gorodskogo samoupravleniya v Rossii v 1870–1914 gg.* [Formation and Development of Urban Self-government in Russia in 1870–1914]. Moscow: Ekon-Inform
4. Hamm, M. (ed.) (1986) *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press.
5. Hirschhausen, U. von (2006) *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
6. Meir, N.M. (2006) Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Association. *Slavic Review*. 65(3). pp. 475–501.
7. Weeks, T. (2015) *Vilnius Between Nations, 1795–2000*. De Kalb: Northern Illinois University Press.
8. Sifneos, E. (2018) *Imperial Odessa: Peoples, Spaces, Identities*. Leiden; Boston: Brill.
9. Shabley, P. (2019) The Russian Empire and the Semipalatinsk Muslims: Power Imbalance and Heterogeneous Societies at the End of the 19th Century. *Ab Imperio*. 3. pp. 47–87. (In Russian).
10. Häfner, L. (1996) Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung. *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 44. pp. 217–252.
11. Kaplunovskii, A.P. (1996) Kazanskaya meshchanskaya obshchina v poreformennoe vremya [Kazan lower middle-class community in the post-reform period]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 31–48.
12. Salikhov, P.P. (1997) Predstavitel'stvo tatar-musul'man v vybornykh organakh mestnogo samoupravleniya v Kazani na rubezhe XIX–XX vv. [Representation of Muslim Tatars in elected bodies of local self-government in Kazan at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Panorama-forum*. S12. pp. 102–116.
13. Zorin, A.N., Zorin, N.V., Kaplunovskii, A.P. et al. (2000) *Ocherki gorodskogo byta dorevolutsionnogo Povolzh'ya* [Essays on the Urban Life of the Pre-Revolutionary Volga Region]. Ulyanovsk: Srednevolzhskiy nauch. tsentr.
14. Badretdinov, T.Z. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie Kazanskoy gubernii v nachale XX veka: vybory, struktura, obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost', 1905–1917 gg.* [Municipal self-government of Kazan province in the early 20th century: elections, structure, social, and political activity, 1905–1917]. History Cand. Diss. Kazan.
15. Häfner L. (2004) *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914)*. Köln: Böhlau Verlag.
16. Geraci, R.P. (2001) *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
17. *Kazanskiy telegraf*. (1913)
18. *Kamsko-Volzhsckaya rech'*. (1913)
19. Zamanova, G.R. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie v Kazani (1870–1904)* [Municipal government in Kazan (1870–1904)]. History Cand. Diss. Kazan.
20. Kazan City Duma. (1907) *Zhurnaly i protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dумы za 1904 god* [Journals and minutes of meetings of the Kazan City Duma for 1904]. Kazan: Kazan City Duma.
21. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1903) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya* [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897, Kazan province]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
22. Kazan City Duma. (1887) *Protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dумы za pervuyu polovinu 1887 goda* [Minutes of meetings of the Kazan City Duma for the first half of 1887]. Kazan: Kazan City Duma.
23. Kazan City Duma. (1910) *Zhurnaly i protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dумы za 1908 god* [Journals and minutes of meetings of the Kazan City Duma for 1908]. Kazan: Kazan City Duma.

Сведения об авторе:

Верняев Игорь Иванович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vernyaev Igor I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i.verniaev@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 10.11.2020; accepted for publication 06.05.2022